

ОРКЕСТР

Память о судьбах простых людей –
важная часть немецкой истории.

Духовой оркестр гремел от восторга победной музыкой. Он не играл, он кипел, в нём бурлил и бился пульс времени, дух народа, настроение праздника. Оркестр играл невероятно слаженно, легко, громко, красиво. У музыкантов за спиной вырастили крылья, мелодия летела в облака.

Трудармейцы в недоумении просыпались, протирали глаза и сползали с нар. Неизвестность и любопытство магнитом тянули всех на звуки приятных и волнующих мелодий. На улице, у столовой, духовой оркестр выдавал торжественные марши бодро, весело, без устали, азартно, вдохновенно, радостно!

Северная природа проснулась от зимней спячки. Выдался чудесный майский день. Ярко светило солнце. Птицы прилетели с юга и старались перекричать оркестр, делясь радостью новосёлов и началом новой, счастливой жизни. Красивые бабочки танцевали в воздухе балет любви и первого знакомства. Праздник ощущался в каждой набухшей почке, в каждом распустившемся листке, в каждом робком цветке. В каждой капле росы сверкало огромное, радостное молодое солнце.

Иван Шмидт вдохновенно дирижировал трудармейским духовым оркестром и мечтал о времени, когда он под эти звуки вернётся в свой любимый кантон, в свою родную советскую республику немцев Поволжья.

Собравшимся трудармейцам объявили, что сегодня всем выдадут двойную норму черного хлеба, а день объявлен нерабочим! Война закончилась! ПОБЕДА!

Многие расплакались, размечтались, как они поедут домой, на Волгу. Но старики говорили: - «Погодите радоваться. Для русских немцев война не закончилась, она лишь затаилась». Всё так и получилось. Под властью коменданта отгрубли трудармейцы в неволе ещё две пятилетки. Лишь «Кукурузник», прия к власти, отменил спецпоселения рабов-невольников.

Победа! Комок горечи подкатил к горлу дирижера и выдавил из глаз счастливую слезу. Она покатилась по щеке - одна, другая, заструился соленый ручеёк у него, у музыкантов, у прибежавших слушателей. Слёзы катились, и в каждой слезинке эпизодами отражалась прожитая жизнь.

Он вспомнил, как началась война, как в один день все советские немцы стали бездомными, нищими, без вины виноватыми. Высланные на вечные времена, они были обречены на жизнь без будущего, без веры, без надежды в сердце. Как в один момент стали чужими в собственной стране, лишились паспортов, всех прав. Права говорить, думать и верить в Бога! Их вели на Голгофу. Даже пожар оставляет пепелище, у них отняли всё: доброе имя, насиженное место, родной край, могилы предков, изгнали в неведомые, в неизвестные края на вечные времена!

Выполняя приказ, красноармейцы выталкивали их из родного дома на улицу и гнали, как стадо коров. В некоторых домах на печке остался стоять горячий обед. Кто что успел с собой схватить, тащили на себе. Что попало под руку, кидали в платки, на простыни и одеяла, и теперь, с котомками и с детьми, пыльным облаком шли по дороге. Мычали коровы, визжали свиньи, рвались на цепи собаки. Плакали мужики, рыдали женщины. «Смерть фашистским шпионам!» - кричали вслед одураченные пропагандой соседи.

На берегу величавой Волги, недалеко от пристани, в ожидании баржи скопилось несколько тысяч ссыльных немцев. Ночевали у костров под открытым небом, готовили в котелках еду, баюкали малышей. В волжской воде отражались освещённые кострами кучки прижившихся друг к другу мужчин, женщин и детей. Не спится взрослым, тяжёлые предчувствия теснят грудь, тревога давит на сердце. И вот над Волгой полетели песни, от которых слёзы капали, как дождь, и мурашки бегали по коже. Многотысячный хор пел прощальные песни на родном немецком языке.

Цыганским таборомостояли там несколько суток. Транспорта не хватало, притащили баржу-танкер, ранее перевозящую нефть, с кое-как отмытыми от липкой массы стенками. Началась погрузка, люди крестились, молились и спускались со своим скарбом в эту вонючую могилу. Очень тревожили теснота и неизвестность. Каждый вечер всех пересчитывали по головам, как скот. За несколько дней заболела половина пассажиров, потом всех перегрузили в вагоны и закопали на берегу первых мертвцев, не пожелавших расстаться с Волгой-матушкой».

Русский народ сам жил в страхе, но несмотря на это, русские женщины приносили к вагонам, под фартуками, что-нибудь поесть и давали немецким детям. Беременная русская девушка добровольно поехала вместе с мужем-немцем в Сибирь. Могла бы остаться с родителями, но разделила с ним все трудности. Свои же, из охраны, наградили её обидным прозвищем «немецкая подстилка», но она знала, что такое любовь и верность! Зато как радовались люди, когда в вагоне у неё родился ребёнок.

Вспомнилось, как на остановке потерялся чей-то сын. Отец бегал его искать и не нашёл, зато опоздал на поезд, еле догнал, схватился на ходу за поручни, но подтянуться не хватило сил, и он сорвался. На виду у всех угодил под колеса. Поезд шёл на восток. Вдоль всего пути хоронили дорогих и близких родственников и односельчан. Целый месяц стучали колёса вагона-телятника на стыках рельсов, пока не замолчали они в алтайском крае, о котором пассажиры-невольники никогда и не слышали.

Только стали обживаться на новом месте и только отдышились, пришли в себя, холодный ствол винтовки упёрся сзади под лопатки. Снова выпала им дальняя дорога в обратном направлении, пока ворота скотовоза не открылись посреди тайги, снега и колючей проволоки. Привезли их на этот раз в республику запретных зон, тюрем и лагерей строгого режима. Прикатили по совсем новенькой северной железной дороге, построенной советскими рабами, где под каждой шпалой лежали два погибших человека, приспанных к Сев. Лагу. НКВД.

Прибывшие, мобилизованные в трудармию поволжские немцы, выглядели, как смертники. В дороге у всех отобрали котелки, есть было не из чего, кашу насыпали в шапки, потом, как свиньям, раздали деревянные шайки - одну на десять человек. Кушать было почти нечего, а сэкономленные продукты начальство продавало на черном рынке. Иван видел, как из продуктового вагона на станциях отпускали налево муку, крупу, сахар мешками, подсолнечное масло бочками, буханки хлеба отгружали телегами. Немцы должны быть немыми, жаловаться запрещено! Да и некому!

В новом лагере ствол винтовки постоянно упирался в спину. Снова забор, ворота, нары, бараки, вши, клопы и тараканы, крысы, комары и страшный голод. Ранний подъём, норма, баланда, пайка, сплошной лесоповал и повальное вымирание личного состава рабколонны немцев из Поволжья. От работы кони дохли. Одежду не выдавали. Носили, у кого что было. Ходили почти босые. Кто-то придумал шить чуни, обувь из невыделанных шкур издохших от работы лошадей. Спали прямо в них, потому что, если снимали чуни и оставляли их на полу, то утром их не находили - ночью крысы съедали всё без остатка. А клопов и комаров было - ужас сколько! Съедали всех, и спасения от них просто не было. - «За что нам такие муки?» - думал каждый.

Что Гитлер потерял на Волге, не знал никто. У поволжских немцев с германскими не было ничего общего. Газет не видели, радио не слышали, слухи поползли разные, они противоречили сами себе, к тому же любые разговоры были опасны из-за доносов сексотов и добровольных стукачей. Люди не знали, чем жила страна, что творилось на фронте и где он, этот фронт. Все жили в полном неведении. От немцев - трудармейцев требовалось только одно: работать, работать и работать.

Немцы России были козлами отпущения. «Бей немцев!» - кричал каждый телеграфный столб. У людей опускались руки, падала выработка, исчезала производительность труда, пропадали цели и желание жить. Возросла смертность, простуды, скандалы, наглость вохровцев и поножовщина охраны. Пьяные вохровцы делили власть, а их главарь, Лешка - Жешарт, наводил ужас на всё живое. Только вера в Бога, слёзы и молитвы помогали душе сохранить маленький горящий фитилёк этой невыносимой жизни. Такое не возможно забыть, это незаживающая рана. Слёзы катились по щекам трудармейцев, и в каждой эпизодами отражалась прожитая жизнь.

В Коми, в новом лагере, немецкий Иван уныло сидел в бараке у печки и тихо наигрывал рождественские мелодии на губной гармошке, единственном музыкальном инструменте на всю тайскую округу. Начальником лесоперевалочной базы в Жешарте (Коми АССР) был хороший русский человек Мерёжин Иван Васильевич. Он случайно услышал немецкие мелодии и заслушался. Утром подошёл к приболевшему музыканту.

-Любишь музыку? - спросил он.

-Люблю! - с испугом ответил доходяга.

-И я люблю! Просто растворяюсь в ней и живу ею, а играть не умею, - признался начальник. - Где играть научился?

-Дома! Да наша республика немцев Поволжья была образцово-показательной и самой музыкальной на всей Волге! В каждой церкви, то есть теперь в школе, оркестр был, а то и два - три! В каждой семье- ансамбль! Все играли на нескольких инструментах: и женщины, и дети. На праздник урожая или на Рождество такие концерты закатывали, что в Большом театре бы позавидовали. А душа от музыки взлетала на седьмое небо! Радость была, перспектива, летать хотелось! Мы, немцы, народ общительный, и работать, и отдыхать умеем! А теперь? - он посмотрел на свои грубые, мозолистые руки, чуткие руки талантливого музыканта. - Теперь они держат топор, пилу, кирку, лопату.

-И эту утончённую личность высочайшей культуры пинком под зад подгоняет вохровец, - встрял в разговор подошедший друг-трудармеец. Начальник не услышал последних слов или сделал вид, что не услышал. Он положил руку на плечо доходяги и спросил:

-Ещё музыканты среди ваших есть? Сможешь сколотить духовой оркестр?
-Да запросто! Хоть два! А играть на пиле будем?
-Есть идея! Слыхал? Ленинград освободился! У меня там друг живёт, письмо прислал, повидаться хочет.
Вот мы с тобой за инструментом к нему поедем!
-Мне нельзя! Я под комендатурой, – отрекся трудармеец.
-Со мной можно! Я уже с комендантом потолковал.
-На другой день, взяв в бухгалтерии всю наличность, командировочные и проездные документы, два полярных по статусу человека поехали в северную Венецию.

Чтобы подешевле отовариться, ленинградский друг и хозяин водил их по всем комиссионным магазинам, где немецкий виртуоз давал сольные концерты, проверяя инструмент на качество и выносливость. Израсходовав все деньги, они аккуратно упаковали купленные кларнеты, тромбоны, трубы, баритоны, альты, басы, тарелки, барабаны в крепкие деревянные ящики и отправили багажом по железной дороге на северную станцию Жешарт. Сами тем же поездом поехали обратно.

Оптимисты в оркестре репетировали ртами, ударники били в банный таз, гремели крышками от кастрюль и с нетерпением ждали прибытия настоящих инструментов. Руки чесались от нетерпения. Восстановили по памяти любимые мелодии и записали ноты. Бумаги не было, даже учетчик делал свои записи на строганой дощечке. Надрали бересту, теперь у каждого была своя берёзовая партитура, хоть и выглядела она очень экзотично, как редкий экспонат в неведомом музее, но играть по ней было можно. От мелодий вальсов, маршей, полонезов до народных и революционных песен – всё было восстановлено и сохранено в письменном виде.

Репетиции начались в день приезда. Музыка высекала огонь в сердцах музыкантов. Огонь оркестра разогрел общество, всё сразу запыпало, забурлило, засуетилось, и жизнь лихо понеслась вперёд, как русская удалая тройка. Все хотели стать музыкантами. В местной школе набрали добровольцев для молодёжного и детского оркестра, начались репетиции. Музыка не подчинялась политике, истории, времени. Она жила своей жизнью в душе каждого, в другом возвышенном мире, в мире чувств, ритмов, мелодий и любви к любимому делу. Музыка облагораживала нравы, подчиняя всех.

Начальник распорядился выписать со склада имеющуюся мануфактуру и красную для лозунгов ткань. Нашлись портняжки, сшили модные штаны и красные красивые рубахи. В это же время впервые за всю трудармию людям выдали одежду: бывшее в употреблении воинское обмундирование – полушибаки и валенки. А тут ещё приказ вышел: отменить вооружённую охрану рабочих колон. Освободившийся от вохровцев барак быстро переоборудовали под клуб. Разобрали перегородки, снесли гауптвахту, построили сцену. Вдоль стен поставили скамейки. Жизнь входила в нормальное русло.

Музыка – это разговор Бога с людьми, и Бог разговаривал со всеми. Душа у каждого ожила, появились улыбки, желания, вернулся интерес к жизни. Музыка – это всегда приятное волнение, а уж о духовом оркестре и спорить нечего: здесь чистая духовность. Культура нации внутри её народа.

С субботу вечером впервые состоялись танцы под музыку духового оркестра. Чудо из чудес в невольном Коми-крае. На танцы пришли не только сосланные, но и местные жители со всей округи. Оркестр, подрепетировав, выдавал перламутры музыкальных виртуозов. Стекла дрожали во всех бараках. Люди, забыв, где они находились, счастливо смеялись, танцевали, мечтали о будущем и влюблялись в жизнь.

Оркестр гремел и славился в народе. Он славил партию, страну, отчество, режим. Играли на праздниках, субботниках, на партмероприятиях, на свадьбах и на похоронах. Без музыки нигде не обходилось. В России музыка в большом почёте, и музыке служили в том краю высланные с Волги немцы.

Кончилась война, но Иван домой в республику немцев Поволжья так и не попал. Слышал, что тогда в опустевших немецких сёлах создавались еврейские колхозы. Понаехали эвакуированные, вербованные. Потом их место заняли другие пришлые люди, но немцев на Волгу не пустили. «Лучше СПИД, чем немцы!» – кричали им в лицо те, кто жил теперь в их доме. В доме, который построили немецкие предки, а деды кормили великую Русь, отцы ей служили исправно и преданно! Что хорошего можно сказать о немцах? Романовы тоже были немцами. Перед своими немцами Россия виновата, а немцы перед МАТУШКОЙ невинны и чисты! Прости, распятая республика, нам нет возврата.

И оказались бездомные, изгнанные, презренные, но выжившие в неволе немцы России в далёкой-далёкой Германии. Местные музыканты в красивых мундирах играли знакомые мелодии на скоморошьем праздничном карнавале.

Духовой

Он не играл, он кипел, в народа, настроение слаженно, легко, спиной вырастали облака. Духовой оркестр весело, без устали,

PS.: На фото духовой

оркестр взорвался от восторга музыкой. нём бурлил и бился пульс времени, дух праздника. Оркестр играл невероятно громко, красиво. У музыкантов за крылья, мелодия гремела и летела в выдавал торжественные марши, бодро, азартно, вдохновенно, радостно!

оркестр, созданный в селе Жешарт,

Коми АССР Шмидтом Иваном Иосифовичем. (Крайний справа).

Российский немец из Поволжья Шмидт И.И. прожил долгую, трудную, но счастливую жизнь. В 1997 году переселился из Уральска в Германию. Умер в день своего рождения 9 декабря (1918 - 2007) в возрасте 89 лет. Похоронен в городе Гроссенхайне (под Дрезденом). Жизнь этого талантливого музыканта продолжается в его детях, внуках и правнуках. В настоящее время в Германии живут его семеро детей с семьями (14 внуков и 14 правнуков).

О ценности родника вспоминают тогда, когда в нём исчезает вода. О немцах России, живых и погибших, о всех их страданиях, о всех их заслугах пусть помнит история, пусть знают народы, пусть славятся их имена!

ПАПА ШУЛЬЦ